Событие Анни Эрно

No Kidding Press

Анни Эрно
Событие

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67264190
А. Эрно. Событие: No Kidding Press; Москва; 2022
ISBN 978-5-6046450-4-8

Аннотация

В 1963 году двадцатитрехлетняя Анни Эрно обнаруживает, что беременна. Во Франции того времени аборты были запрещены. «Событие», написанное сорок лет спустя, рассказывает о нескольких месяцах, в течение которых она скрывала беременность от родителей, искала помощи у знакомых и врачей и тщетно пыталась сделать аборт вязальной спицей. История, рассказанная в жестокой простоте фактов, показывает нам общество табу и классовых предрассудков, где пережитое героиней становится инициацией. Опираясь на записи в дневнике и память, скрупулезно выстраивая двойную перспективу, Эрно подбирает новое значение для прожитого опыта.

Анни Эрно
Событие

Annie Ernaux
L'Événement

© Éditions Gallimard, Paris, 2000
© Мария Красовицкая, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

* * *

У меня два желания: чтобы событие стало текстом. И чтобы текст был событием.
Мишель Лейрис

Как знать, может, память в том и состоит, чтобы наблюдать до самого конца.
Юко Цусима

Я вышла на станции «Барбес». Как и в прошлый раз, под мостом наземного метро толпились мужчины. По тротуару проходили люди с розовыми пакетами из дешевого супермаркета «Тати». Я свернула на бульвар Маджента и узнала магазинчик «Билли» с вывешенными на улице куртками.

Навстречу мне шла женщина, ее крепкие ноги были обтянуты черными чулками с крупным узором. На улице Амбруаз-Паре людей почти не было до самой территории больницы. Я прошла по длинному сводчатому коридору корпуса Элизы. В первый раз я не заметила, что во дворе, который тянется вдоль застекленного коридора, есть беседка. Интересно, подумала я, каким покажется мне всё это потом, на обратном пути. Я толкнула дверь с табличкой «15» и поднялась на третий этаж. В регистратуре диагностического отделения я отдала карточку со своим номером. Женщина за стойкой порылась в какой-то папке и достала коричневый конверт с документами. Я протянула руку, но женщина не дала мне конверта, а положила его на стол и велела мне сесть и ждать, когда меня вызовут.

Зал ожидания разделен на два смежных помещения. Я села там, где было ближе к двери врача и больше народу. Принялась проверять письменные работы, которые принесла с собой. Сразу за мной предъявила свой номерок молоденькая девушка с длинными светлыми волосами. Я заметила, что ей тоже не выдали конверта и велели ждать приглашения. В зале на большом расстоянии друг от друга уже сидели мужчина лет тридцати, лысоватый и модно одетый, темнокожий парень с плеером и хмурый господин лет пятидесяти, обмякший в кресле. После светловолосой девушки пришел четвертый мужчина, уверенно уселся и достал из портфеля

книгу. Еще была парочка: она в рейтузах и с большим животом, он в костюме с галстуком.

На столике вместо журналов лежали листовки о пользе молочных продуктов и о том, «как жить с ВИЧ». Женщина в рейтузах говорила со своим спутником, вставала, обнимала его, поглаживала. Тот не произносил ни слова и сидел неподвижно, опираясь руками на зонт. Молоденькая блондинка сидела с опущенными, почти закрытыми глазами, сложив кожаную куртку на коленях, и казалась окаменевшей. У ее ног стояли объемистый чемодан и рюкзачок. Я подумала, что у нее, быть может, больше причин бояться, чем у остальных. Возможно, она пришла за результатами перед тем, как уехать куда-то на выходные или проведать родителей в глубинке. Из кабинета вышла врач, худенькая энергичная женщина в розовой юбке и черных чулках. Она назвала номер. Никто не сдвинулся с места. Пациент сидел в смежном зале. Это был парень: он прошел так быстро, что я успела заметить лишь очки и хвостик.

Вызвали темнокожего парня, потом нескольких из второго зала. Никто не разговаривал и не шевелился, кроме женщины в рейтузах. Все поднимали глаза, только когда в дверях кабинета появлялась врач или кто-то оттуда выходил. Его провожали взглядом.

Несколько раз звонил телефон. Люди записывались на прием или уточняли расписание. Один раз женщина из ре-

гистратуры ходила за врачом, чтобы тот ответил на вопрос пациента. Он несколько раз повторил: «Нет, она точная, абсолютно точная». Его слова гулко раздались в тишине. Человек на другом конце провода, очевидно, был заражен.

Я закончила проверять работы. Перед глазами у меня, как в тумане, снова и снова вставала одна и та же сцена: июль, выходные, сплетение двух тел, эякуляция. Именно из-за этого эпизода, забытого на несколько месяцев, я и сидела сейчас здесь. Объятия и содрогания обнаженных тел казались мне теперь танцем смерти. Мне чудилось, что мужчина, с которым я нехотя согласилась встретиться, приехал из Италии только для того, чтобы заразить меня СПИДом. И всё же я никак не могла установить связь между этими движениями, теплом кожи, спермой и тем фактом, что я теперь сижу здесь. Я подумала, что секс вообще нельзя связать ни с чем другим.

Доктор назвала мой номер. Не успела я зайти в кабинет, как она широко мне улыбнулась. Я решила, что это добрый знак. Врач закрыла дверь и сразу сказала: «Результат отрицательный». Я рассмеялась. Всё остальное, что она говорила, меня не интересовало. Казалось, она радуется за меня, как сообщница.

Я слетела вниз по лестнице и миновала стеклянный коридор, не глядя по сторонам. Я думала о том, что снова спасена.

Мне хотелось знать, спасена ли светловолосая девушка. На станции «Барбес» на платформах толпились люди, повсюду мелькали розовые пакеты из «Тати».

Я осознала, что прожила этот эпизод так же, как в 1963-м, когда ждала вердикта от доктора Н., с тем же ужасом и недоверием. Выходит, вся моя жизнь – где-то между менструальным календарем и презервативом из автомата за один франк. Это хороший метод измерения жизни. Куда вернее других.

В октябре 1963-го, в Руане, у меня случилась задержка больше недели. Октябрь выдался теплым и солнечным. Я слишком рано достала пальто, в нем было тяжело и жарко. Особенно в больших магазинах, где я слонялась, покупала чулки и ждала, когда возобновятся занятия. Возвращаясь в свою комнату в женском общежитии на улице д'Эрбувиль, я всякий раз надеялась увидеть пятно на белье. В дневнике я теперь каждый вечер писала большими буквами и подчеркивала: НИЧЕГО. Я просыпалась по ночам и тут же понимала: «ничего». Годом ранее в это же время я начала писать роман. Теперь мне казалось, что это было очень давно и больше никогда со мной не случится.

В один из тех дней я пошла в кино на итальянский черно-белый фильм «Вакантное место». Это была долгая и грустная история о жизни молодого человека и его первой работе в конторе. Зал был почти пуст. Глядя на хилую фи-

гурку мелкого клерка в плаще, на его унижения, ощущая безнадежное отчаяние фильма, я понимала, что месячные не вернутся.

Однажды вечером я согласилась поехать в театр с девушками из общежития, у них оказался лишний билет. Давали «За закрытыми дверями», а я никогда еще не видела современных пьес. Был аншлаг. Я смотрела на ярко освещенную сцену вдалеке и думала только о своей задержке. Помню лишь Эстель – блондинку в голубом платье – и Гарсена, одетого лакеем, с красными глазами без век. В дневнике я записала: «Замечательно. Только бы не эта РЕАЛЬНОСТЬ у меня в животе».

В конце октября я уже не верила, что месячные могут вернуться. Я записалась к гинекологу, доктору Н., на 8 ноября.

На выходных в честь Дня всех святых я, как всегда, была у родителей. Я боялась, что мама спросит меня о задержке. Я была уверена, что она каждый месяц проверяет мои трусы, разбирая грязное белье, которое я привозила ей на стирку.

В понедельник я проснулась с тошнотой и странным привкусом во рту. В аптеке мне дали Гепатоум, густую зеленую жидкость, от которой меня замутило еще сильнее.

О., девушка из общежития, предложила мне преподавать вместо нее французский в школе Сен-Доминик. Это была хорошая возможность немного заработать вдобавок к стипендии. Директор встретила меня с хрестоматией Лагарда и Мишара по XVI веку в руках. Я сказала ей, что никогда не преподавала и очень боюсь. Это нормально, она сама, когда начала вести философию, целых два года заходила в класс ссутулившись и не поднимая глаз. И, сидя на стуле напротив меня, она изобразила, как это выглядело. Мне было видно только ее затылок под платком. Выходя из кабинета с одолженными мне Лагардом и Мишаром, я представила, как стою под взглядами девочек из десятого класса, и меня чуть не вырвало. На следующий день я позвонила директрисе и отказалась от места. Она сухо велела мне вернуть учебник.

В пятницу 8 ноября я шла к площади Отель-де-Виль, чтобы сесть на автобус до улицы Лафайет, где принимал доктор Н., и встретила Жака С. Это был сын директора местного завода, студент филологического факультета. Он поинтересовался, зачем мне понадобилось на левый берег. Я ответила, что у меня болит живот и я еду к стоматологу. Он уверенно заявил, что стоматолог не животы лечит, а воспаления во рту. Я испугалась, что моя оплошность вызовет у него подозрения и он захочет проводить меня до дверей врача, и быстро вскочила в подъехавший автобус.

Когда я слезала с кресла и мой толстый зеленый свитер расправлялся у меня на бедрах, гинеколог сказал, что я, возможно, беременна. То, что я приняла за боли в желудке, было токсикозом. Доктор всё же назначил мне уколы, чтобы возобновить месячные, но, казалось, сам не верил, что это поможет. Уже в дверях он ободряюще улыбнулся: «Дети любви всегда самые красивые». Это звучало ужасно.

Я вернулась в общежитие пешком. Запись в дневнике: «Я беременна. Это кошмар».

В начале октября я несколько раз занималась любовью с П. Он изучал политологию, мы познакомились на каникулах, а потом я ездила к нему в Бордо. Я знала, что по менструальному календарю у меня опасный период, но не верила, что «это может закрепиться» у меня в животе. Мне казалось, что в любви и наслаждении мое тело существенно не отличается от мужского.

Все воспоминания о моей поездке в Бордо – комната на Кур-Пастер, где вечно был слышен шум автомобилей, узкая кровать, веранда кафе «Монтень», кинотеатр, где мы смотрели «Похищение сабинянок» – всё это теперь значило для меня лишь одно: я там была и не знала, что беременею.

Университетская медсестра без лишних вопросов сделала мне один укол вечером и еще один на следующее утро. Вы-

ходные были длинные, по случаю 11 ноября. Я поехала к родителям. Там у меня произошло небольшое розоватое кровотечение. Я положила испачканное белье и брюки в кучу грязной одежды, на самом виду. (Запись в дневнике: «Незначительное выделение. Поможет сбить с толку маму».) Вернувшись в Руан, я позвонила доктору Н. Он подтвердил диагноз и сказал, что вышлет мне родовой сертификат. Я получила его на следующий день. «Роженица: мадемуазель Анни Дюшен. Предполагаемая дата: 8 июля 1964 г.». Я представила лето, солнце. И порвала сертификат.

Я написала П., что жду ребенка и хочу от него избавиться. Мы расстались на неопределенной ноте, и мне было приятно нарушить его беспечность, хоть я и не сомневалась, что мое решение сделать аборт принесет ему огромное облегчение.

Неделю спустя в Далласе был убит Кеннеди. Но меня это уже не интересовало.

Последующие месяцы окутаны светом неопределенности. Я помню себя на улицах, постоянно в пути. Всякий раз, когда я думаю о тех временах, мне в голову приходят фразы из литературы, вроде «по морю прочь», «по ту сторону добра и зла», или даже «путешествие на край ночи». Мне всегда казалось, что они отражают то, что я тогда прожила и испытала. Что-то невыразимое и по-своему прекрасное.

Многие годы я возвращаюсь к этому событию моей жизни. Когда читаю в романе про аборт, меня прошибает холодный пот, причем в голове в этот момент нет ни образов, ни мыслей, словно слова сразу превращаются в это жуткое ощущение. И когда где-то вдруг звучит «Жаванез», «Память меня подводит» или еще какая-нибудь песня тех времен, у меня земля уходит из-под ног.

Я начала этот рассказ неделю назад, сама не зная, буду ли продолжать. Я лишь хотела проверить свое желание написать об этом. Желание, неизменно возникавшее всякий раз, когда я работала над другой книгой, которую пишу уже два года. Я сопротивлялась, но не могла перестать об этом думать. Поддаться искушению было очень страшно. Но я говорила себе, что иначе могу умереть, так ничего и не сделав с этим событием. Это и будет моей единственной ошибкой. Однажды мне приснилось, что я держу в руках книгу о своем аборте, которую сама написала, но ее не найти ни в одном магазине, ни в одном каталоге. Внизу на обложке большими буквами значится: «НЕТ В НАЛИЧИИ». Я не поняла, был ли это знак, что я должна написать эту книгу или что делать это бесполезно.

С тех пор как я пишу, само время пришло в движение и увлекает меня за собой против моей воли. Теперь я знаю, что полна решимости довести дело до конца, что бы ни случи-

лось. Так же, как знала это в двадцать три года, когда порвала родовой сертификат.

Я хочу снова углубиться в тот период своей жизни и выяснить, что́ я тогда обнаружила. Это исследование впишется в нить рассказа, ведь только он сможет отразить событие, которое было не чем иным, как временем внутри и снаружи меня. Еженедельник и личный дневник, которые я вела в те месяцы, предоставят мне необходимые ориентиры и свидетельства, чтобы восстановить факты. Главное, я буду стараться вжиться в каждый образ, пока не начну физически ощущать «воссоединение» с ним и пока не появятся слова, о которых я смогу сказать: это оно. Я попытаюсь снова услышать каждую из тех фраз, что навсегда остались во мне. Видимо, их смысл тогда оказался настолько невыносимым, или, наоборот, таким утешительным, что сегодня я не могу вспомнить их без волны отвращения или радости.

То, в каком виде я пережила этот опыт, – то есть подпольные аборты, – уже в прошлом, но я не думаю, что это повод забыть о случившемся. Хотя парадокс справедливого закона почти всегда состоит в том, что бывших жертв заставляют молчать, ведь «всё уже позади», и в результате молчание по-прежнему скрывает правду. Но именно теперь, когда аборт больше не под запретом, я могу (отметая в сторону общие слова и неизменно упрощенные формулы, навязанные борь-

бой шестидесятых, – «насилие над женщинами» и так далее) встретиться лицом к лицу с этим *незабываемым* событием в его истинном виде.

(Право): Караются тюремным заключением и штрафом 1) лицо, совершившее любые действия, относящиеся к аборту; 2) врачи, акушерки, фармацевты, предписавшие эти действия или способствовавшие им; 3) женщина, совершившая аборт самостоятельно или давшая согласие на него; 4) подстрекательство к аборту или пропаганда противозачаточных средств. Кроме того, виновные могут быть приговорены к высылке, а также к бессрочному или временному лишению прав на профессиональную деятельность (для лиц, указанных в пункте 2).

Nouveau Larousse Universel,
издание 1948 г.

Время перестало быть неуловимой чередой дней, которые надо было заполнять лекциями и докладами с остановками в кафе и библиотеке и которые вели к экзаменам, к летним каникулам, к будущему. Время превратилось в нечто бесформенное, оно росло внутри меня, и его надо было уничтожить любой ценой.

Я ходила на лекции по литературе и социологии, в университетскую столовую, днем и вечером пила кофе в студенческом баре «Ля Фалюш». Мир теперь делился на две части: с одной стороны были девушки с пустыми животами, а

с другой – я.

Размышляя о своем состоянии, я не называла его общепринятыми фразами – «я жду ребенка», «беременна», уж тем более «в положении» (так и хочется спросить, в каком). В них слышалось принятие будущего, которое не должно было наступить. Зачем называть то, от чего собираешься избавиться? В дневнике я писала «оно», «эта штука» и лишь однажды – «беременна».

Мое неверие в то, что это происходит со мной, перерастало в убежденность, что этого не могло со мной *не* случиться. Оно ждало меня с тех пор, как в четырнадцать лет я впервые испытала оргазм под одеялом, а затем – несмотря на молитвы Богородице и святым – не раз повторяла этот опыт, сопровождаемый навязчивой фантазией, что я шлюха. Более того, казалось чудом, что этого не случилось со мной раньше. До прошлого лета ценой больших усилий и унижений (меня называли стервой и динамщицей) мне удавалось не заниматься сексом вовсе. В результате меня спасла сама сила желания: зная, что одного флирта ему будет недостаточно, я стала бояться даже простого поцелуя.

Постепенно я начинала устанавливать связь между тем, что со мной произошло, и своим социальным происхождением. Я была первой из семьи рабочих и мелких торговцев, кто поступил в университет, избежав места на фабрике или за прилавком. Но ни университет, ни филологический фа-

культет не смогли спасти меня от неизменной ловушки бедности, символом которой, наряду с алкоголиками, была беременная девушка. Я попала в капкан, и то, что теперь росло во мне, было в каком-то смысле социальным провалом.

Сама идея аборта меня не пугала. Мне казалось, что это если и не легко, то по крайней мере вполне реально и не требует особенной решимости. Обычное испытание. Надо лишь пройти путь, который до меня проделали множество женщин. Еще подростком я впитывала рассказы об абортах: вычитывала в романах, слышала в шепоте соседских сплетен. Я получила смутное представление о том, какие для этого используются средства: вязальная спица, стебель петрушки, инъекции мыльной воды, верховая езда. Лучше всего найти «серого» врача или «фабрикантшу ангелов», то есть подпольную акушерку; это очень дорого, но я понятия не имела, насколько. Годом ранее одна молодая разведенная женщина рассказала мне, что какой-то доктор в Страсбурге избавил ее от ребенка. Она не вдавалась в подробности, лишь сказала: «Мне было так больно, что я вцепилась в раковину мертвой хваткой». Я была готова вцепиться в раковину мертвой хваткой. Я не думала о том, что могу умереть.

Через три дня после того, как я порвала родовой сертификат, я встретила Жана Т. в университетском дворе. Это был женатый работающий студент. Для него я два года тому на-

зад конспектировала курс по Виктору Гюго в двух экземплярах, потому что он не мог посещать занятия. Его пламенная речь и революционные идеи сейчас были кстати. Мы пошли выпить в «Метрополь» на площади де ля Гар. В какой-то момент я дала ему понять, что беременна – наверное, думала, что он может мне помочь. Я знала, что он состоит в полуподпольной организации «Планирование семьи» по борьбе за разрешение контрацепции, и надеялась получить поддержку с этой стороны.

На его лице тут же проступило любопытство и предвкушение, словно я раздвинула ноги и предложила ему себя. Возможно, отдельное удовольствие ему доставило неожиданное превращение вчерашней примерной студентки в девушку в отчаянном положении. Он хотел узнать, от кого я забеременела и когда. Он был первым, кому я рассказала о своей ситуации. И хотя в тот момент он не мог предложить никакого решения, его любопытство стало моей защитой. Он пригласил меня на ужин к себе в гости, в пригород Руана. Мне совсем не хотелось возвращаться одной в свою комнату в общежитии.

Когда мы пришли, его жена кормила ребенка – тот сидел на высоком стульчике. Жан Т. коротко сказал ей, что у меня неприятности. У них в гостях был друг. Уложив ребенка спать, жена подала на стол кролика со шпинатом. От зеле-

ного цвета под кусочками мяса меня затошнило. Я думала о том, что если не сделаю аборт, через год стану похожа на жену Жана. После ужина она вместе с другом пошла куда-то за школьными принадлежностями (она работала учительницей), а мы с Жаном принялись мыть посуду. Он обнял меня и сказал, что у нас есть время заняться любовью. Я высвободилась и продолжила мыть тарелки. В соседней комнате плакал ребенок, меня тошнило. Жан Т. вытирал посуду и прижимался ко мне сзади. Потом он вдруг заговорил обычным тоном и сделал вид, что хотел лишь испытать мою нравственность. Вернулась его жена, и они предложили мне остаться на ночь. Было поздно, вряд ли кто-то из них горел желанием везти меня обратно. Я переночевала на надувном матрасе в гостиной. На следующее утро я вернулась в свою комнату в общежитии, откуда накануне днем ушла на учебу. Кровать была заправлена, ничего не изменилось, а между тем прошли почти сутки. Именно по таким деталям можно определить, что твоя жизнь пошла под откос.

Я не считала, что Жан Т. меня презирает. Просто для него я перешла из категории девушек, про которых не знаешь, согласны ли они переспать, в категорию девушек, которые точно с кем-то переспали. В то время различие между этими категориями было чрезвычайно важным и определяло отношение парней к девушкам, а потому Жан показал себя в первую очередь с практичной стороны. Кроме того, он мог быть уверен, что я, будучи уже беременной, от него не залечу. Это

был неприятный, но, учитывая мое положение, незначительный эпизод. Жан обещал найти адрес врача, а больше мне обратиться было не к кому.

Два дня спустя мы встретились у него в офисе, и он отвел меня пообедать в кафе на набережной, недалеко от автовокзала. Этот район был разрушен во время войны и заново отстроен в бетоне; раньше я там не бывала. Я начинала выходить из той зоны и тех мест, где обычно проводила время с другими студентами. Жан Т. заказал сэндвичи. Его оживление не угасало. Он со смехом сказал, что они с друзьями могли бы вставить мне зонд. Я не была уверена, что он шутит. Потом он рассказал, что жена его знакомого, Б., сделала аборт два или три года тому назад. «Кстати, она тогда чуть не умерла». Адреса у него не было, но он мог связаться с Л.Б. через газету, где та работала внештатным корреспондентом. Я знала ее в лицо, потому что училась с ней на одном курсе по филологии. Это была невысокая брюнетка в больших очках и со строгим лицом. На одном семинаре ее очень хвалил преподаватель. Мне стало легче оттого, что такая девушка, как она, сделала аборт.

Жан Т. доел сэндвичи и развалился на стуле, улыбаясь во весь рот: «До чего же славно перекусить». Меня тошнило. Я почувствовала себя очень одиноко. Я начинала понимать, что он не хочет слишком ввязываться в эту историю. Девушки, собиравшиеся сделать аборт, не вписывались в рамки мо-

рали, установленные организацией «Планирование семьи», к которой он принадлежал. Чего он хотел, так это наблюдать за развитием событий с места в партере. Из чистого любопытства. Он предупредил меня, что как член ассоциации по борьбе за добровольное материнство не сможет «с моральной точки зрения» одолжить мне денег на подпольный аборт. (Запись в дневнике: «Обедала с Т. на набережной. Всё только сложнее.)

Начались поиски. Мне нужно было найти Л.Б. Раньше я часто видела ее мужа в столовой, он раздавал там листовки, но теперь, кажется, перестал. Днем и вечером я обходила аудитории, дежурила в холле у выхода.

Два вечера подряд я ждала Л.Б перед издательством газеты «Пари-Норманди». Я не решалась войти и спросить, там ли она. Я боялась, что кто-то сочтет мое поведение подозрительным, и еще больше – что побеспокою Л.Б. на работе расспросами о том, что чуть ее не убило. На второй день шел дождь. Я стояла на улице одна, под зонтом, механически пробегала глазами листы газеты, прикрепленные к решетке на стене, смотрела то в один, то в другой конец улицы де л'Опиталь. Л.Б., единственная женщина, которая могла меня спасти, была где-то в Руане и не приходила. Вернувшись в общежитие, я записала в дневнике: «Опять ждала Л.Б., под дождем. Впустую. Я в отчаянии. Эта штука должна исчезнуть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.